

РУССКИЕ
ПОВЕСТИ
XIX ВЕКА

Том I

Русские альманахи: Страницы прозы / Сост. и автор примечаний В. И. Коровин.-- М.: Современник, 1989 (Классическая библиотека "Современника") //

FB2: "rvvg ", 29 June 2011, version 1.0

UUID: 0C7BC1B9-C8AD-4FF0-9900-54D668E0F95D

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Алексеевич Полевой

Сохатый

Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) — критик, теоретик романтизма, прозаик, историк, издатель журнала "Московский телеграф" (1825–1834).

Содержание

#1	0005
СОХАТЫЙ (Сибирское предание)	0005
1 СИБИРЬ	0005
2 КАТОРЖНЫЙ	0013
3 АМАЛИЯ	0019
4 ОН ЛЮБИТ	0023
5 ДЯДЯ — УЧИТЕЛЬ	0025
6 СЛЕДСТВИЯ	0031
7 МЕРТВЕЦ-УБИЙЦА	0035
8 УЖАСНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ	0038
9 ГДЕ ОПРАВДАНИЕ?	0043
10 СОХАТЫЙ	0046
11 НЕОЖИДАННОСТЬ	0056
12 КАКОВО ЛЮБИЛА ОНА?	0060
ПРИМЕЧАНИЯ	0063

СОХАТЫЙ (Сибирское предание)

1

СИБИРЬ

Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы! Как первые мечты юности, как любимые игры детства, я помню твои вековые кедровые леса, твои безмолвные пустыни, переломленные веками утесы в ущелиях гор и твою безмерную, голубую, как глаза сибирской девы, светлую, как глыба льду, Ангару, на берегах которой беспечно, весело и быстро пролетели дни детства моего. Сибирь! как далека ты и как близка к душе моей! Все, что впечатлевалось некогда в юную память мою, все помню я, даже гул ветра по сосновым лесам, когда, переходя с мшистых тундр, в твоих дебрях гуляет он, мощный сын Ледовитого моря, и разносит туманы, и природы, и страсти, которые облегают здесь, на Руси, небосклон, и тускнеют в

глазах моих и великолепные здания, и бархатные луга, и цветущие поля, согреваемые солнцем, распещряемые радугами цветов и пожираемые завистливым человеком. Смотри ли на здешние обнаженные поля, забыть мне твои необозримые, нетронутые степи, Сибирь — золотое дно! В тебе живет не много людей — не завидуй многолюдству здешнему: здесь и пороков более, чем в твоих малоллюдных городах! Благодарю провидение, что в тебе есть где поместиться и исчезнуть тлетворным преступлениям, которые звуком цепей означают путь свой из здешней стороны и теряются в неизмеримости пустынь твоих, как ручей в волнах Ангары, как следы легкого оленя, по глубокому снегу якутской стороны!

Простите воспоминаниям былого, друзья мои! Заставляя меня рассказать вам одну из былей, слышанных мною в Сибири, в бывалые годы моей юности, вы напомнили мне мою родину, в которой приведет ли меня бог бывать когда-нибудь еще! Дивитесь странно-стям человеческого сердца: я многое видел с тех пор, как в последний раз с надеждами, с мечтами на будущее — еще юный, еще пол-

ный жизни — глядел на Иркутск, над которым великолепно восходило солнце и золотило лучами своими синие воды Ангары и зеленые берега Иркутка... Много времени минуло тому; много испытала душа моя и горя, и радости; много тех, с которыми делилась она, совершили навсегда путь жизни и отдыхают под гробовым дерном... Но где я ни был — и на вершинах Урала, и вблизи Кавказа и Тавриды, и на берегах Азовского моря, и на выстланных гранитом берегах Балтийского моря, и на роскошных пажитях Украины — нигде, нет, нигде уже не волновалась так душа моя, не билось так сильно сердце мое, не горела так пламенно голова моя, как там, в дикой моей родине! Это был мир очарований, мир, пролетевший сном мгновенным. Если кто из вас, друзья мои, будет в Иркутске — пусть пойдет он за город, к тому месту, где близ старой, разрушенной мельницы вливается в Ангару Ушаковка. Тут извивистое течение этой речки приведет его к тому месту, где Ушаковка раздвояется островами, где против него на луговой стороне будет старое Адмиралтейство — тут жил отец мой; тут были пределы

первого моего мира; тут мечтал я, плакивал за Плутархом, думал быть великим человеком, подобно великим людям, им описанным; горделиво расхаживал по лугу, уединяясь в тень деревьев, вдохновляясь первою любовью, делаясь первыми ощущениями дружбы... Там, говорят, все изменилось: старый отцовский дом не существует; добрых людей, которые некогда собирались в нем, разнесла буря жизни, и меня — беспечного юношу — увела судьба далеко от родины... Но обратимся к моему рассказу.

И теперь еще малолюдна Сибирь, и теперь еще дики леса ее; но прежде была она еще малолюднее, леса ее были еще диче. Было время, что воевода, посланный из Москвы, два года ехал до Иркутска, отдыхая в уединенных острогах и зимовьях от дороги бесконечной. Теперь всюду видите уже следы человека: леса прорублены, болота устланы мостами, горы обрыты. Часто едете и ныне не встречая живого существа человеческого; но тут же видите, что человек был уже в сих местах, срубил, срыл, замостил и удалился. Прежде вы напрасно искали бы его. Если дерзкое любо-

пытство осмеливалось заходить в чащи лесов, оно встречалось с дикими зверями или — еще хуже — с ордами сибирских дикарей, которые скрывались в отдалениях от русского человека и иногда, с своими стрелами и секирами, приступали даже к городам, русскими застроенным. Русские самопалы гремели тогда против них, и постепенно дикари усмирялись, становились мирнее и кротче, с тайною досадою, но тише и тише давали ясак и отвыкли наконец от дикой воли, привыкли к неволе образованных обществ, хотя еще не вполне знают выгоды, от нее происходящие.

Но все это делалось не скоро. И за пятьдесят лет Сибирь была далеко не то, что она теперь. Лет пятьдесят назад в Иркутске еще цел был деревянный острог, защищавший город; теперь на этом месте бульвары: судите о разнице по этому.

Преступление уже давно находило в Сибири место наказания. С самого завоевания Сибири Годунов начал бросать в сибирские города людей, возбуждавших его опасения, вельмож, заграждавших ему путь к престолу, а потом угрожавших его трону своими умами

или мечами. Мятежные стрельцы толпами были низринуты в Сибирь, и более 100 лет тому, как цена порока и преступления оседает из степи и леса Сибири. Напрасно подумали бы вы, что Сибирь делается от этого местом, где собирается порок и преступление. Нет! Двадцать и двадцать пять тысяч человек ежегодно идут из России в Сибирь на железном канате; но их и не видно в Сибири. Убийцы, злодеи, люди, заклеянные преступлением, скрываются, с раскаянием или с неумолимым грызением совести, в мрачных глубинах рудников, в далеких уединенных местах, где трудами рук своих окупают отринутое обществом бытие свое; и в поте лица снедают хлеб свой. Изгнанники же в Сибирь часто становятся добрыми гражданами. Смело въезжаете в деревню, населенную людьми, сосланными из России, и мирно спите под кровом, который соорудило себе кающееся преступление или бедственная слабость. Но прежде было не так — и в Сибири, и в России. Здесь, на Руси, как часто, лет пятьдесят назад, не было проезда по столбовой дороге; как нередко разбойники ставили притины по Волге, будто пра-

вильные войска, и брали дань, не только делились с каждою проходящею расшивою, с каждым проезжавшим купцом. Когда же злодей попадался в цепи и был уводим в Сибирь, там нередко не знали, что с ним делать. Бывали случаи, что преступники собирались ватагами, бродили по селениям, брали, что им было надобно, и на зиму приходили в городские тюрьмы, откуда весною уходили опять в непроходимые пустыни. Туда часто посылали против них сотни бурятов, сибиряков и казаков, которые захватывали их в облавы, как диких зверей, гнались за ними в самые неприступные места, зажигали леса и пожарами выгоняли их из мрачных логовищ. Память об этих старых — и едва ли добрых — временах едва осталась в преданиях сибиряков. Но спросите старожилков тамошних, они подтвердят вам мои рассказы. Они еще не забыли даже имен некоторых буйных удалцов, которые наводили страх и трепет на жителей Иркутска и берегов байкальских. Из всех отчаянных голов, которых память осталась в народном предании, никто не страшил столько в свое время, как Буза и Сохатый.

Первый долго был страшилищем Волги и Дона, грабил богатых армян по берегам Каспийского моря и сам отдался в руки правосудия, когда удалось захватить жену его. Буза не отделил судьбы своей от ее судьбы и пошел в Сибирь с нею. Сто человек провожали его, закованного цепью в несколько пудов. Но в Сибири он бежал и много лет не давал проезда по Ангаре. Напрасно казаки и буряты ловили, искали его; поверье народное говорило наконец, что Буза заговаривает ружья, что пуля не берет его, что он скрывается под водою, когда за лодкою его гонится погоня. Стрела бурята разрушила в роковую минуту смерти все очарования, и Буза погиб. Судьба Сохатого, до ссылки его в Сибирь, осталась неизвестною; он никогда не говорил об ней: знали только, что он пришел в Сибирь из пермских лесов, где на душе его, как говорили, легло много убийств и дел ужасных.

КАТОРЖНЫЙ

Перед домом иркутского коменданта толпилось множество народа. Все любопытно глядели на человека, скованного тяжелыми цепями и прикованного к телеге.

Солнце пекло его палящими лучами; он не мог пошевелиться, горько стонал и томился среди толпы, с жадным, но бесчувственным вниманием смотревшей на него. Казаки и буряты стояли вокруг телеги.

В это время подле растворенного окна комендантского дома появилась прелестная девушка. Молодой офицер стоял подле нее и, казалось, не смотрел ни на толпу, ни на несчастного, бывшего предметом внимания толпы: глаза молодого офицера были устремлены на девушку, и при ней ничто для него не существовало.

— Боже милосердый! — сказала девушка сложив руки и подняв голубые глаза свои к небу. — Опять несчастный! Какая ужасная судьба: быть всегда свидетельницею мучений

отверженного человечества!

Офицер опомнился, взглянул в окно и сказал с видом невольного содрогания: "Вы не стали бы жалеть о чудовище, которого видите, если бы знали, кто он".

— Человек, и — брат мой! — отвечала девушка с ангельским выражением.

"Брат ваш! Демон брат ангела, Амалия! Это человек, душа которого мрачнее адской тьмы, разбойник, за голову которого обещаны великие награды, который не знает ни совести, ни жалости; словом, Амалия — это Сохатый!"

И Амалия с невольным трепетом отступила от окна: страшное имя разбойника испугало ее. В эту минуту молчания раздирающий стон вылетел из груди Сохатого. "Братцы! — говорил он удушаемым голосом. — Ослабьте мне шею и дайте глоточек воды... Христа ради, я умираю..."

Казачи захохотали. "Издыхай, издыхай, собака!" — закричал урядник.

— Христа ради! Лучше убейте меня, но не томите. "Молчать!" — загредел урядник, поднимая свою пику. Несчастный закрыл глаза и

замолчал. Он не знал, что близ него была душа, понимавшая его страдания. Когда Амалия услышала мольбы Сохатого и бесчеловечные отказы казаков, две крупные слезы покатились из глаз ее. "Вы слышите", — сказала она, поспешно отирая их и обращаясь к офицеру, подле нее бывшему.

— Он просит пить, — сказал офицер хладнокровно, — и ему не дают.

— Флахсман! — вскричала Амалия. — Вас ли я слышу? Как? И вы умеете говорить этим убийственным голосом, каким говорит дядюшка?

Флахсман смутился. "Я не понимаю, что вы хотите сказать..." — отвечал он.

— А вы еще хотите, чтобы я понимала вас! Вы видите перед собою несчастного предметом насмешек глупого любопытства народного; он томится на жару, с засохшим горлом, умирает от жажды.

— Что я могу сделать, Амалия?

— Велите снять его с телеги, дайте ему пить и удалите его от народа.

— Нельзя, Амалия. Это страшный преступник; он дожидается выхода вашего дядюшки,

который сам хочет допросить его, но теперь занят в своем кабинете, и велел подождать.

— Он докуривает свою пятую трубку: вот его занятие! А между тем несчастный умирает...

— Он не умрет. Этот человек пять раз бегал из тюрьмы; его не держат ни цепи, ни замки, и я не ручаюсь ни за что, если его хоть на минуту выпустить из глаз.

— Флахсман! будьте милосерды! Я не могу видеть его мучений.

— Чего же вы хотите, Амалия?

— Вы адъютант дядюшки, вас послушают; велите ввести Сохатого в гауптвахту и пошлите ему пить...

— Амалия!

— Вы мне не откажете? — сказала Амалия, приближаясь к нему и смотря на него сквозь слезы. — С тех пор как я в Иркутске, меня беспрерывно окружают жертвы правосудия. Я не заступаюсь за них — истребляйте злодеев; но зачем заставляете вы переносить мучения прежде казни? Кто знает глубину души человеческой? Может быть, Сохатый был сначала жертвою несчастной слабости, и только же-

стокость ваших судей сделала его нераскаянным злодеем; но и в злодейской душе всегда еще остается след божьего образа, как среди ночной тьмы светят звезды, хотя и нет солнца...

— Амалия! мечтательница божественная! — вскричал Флахсман.

— Нет, я не мечтательница; но к благословениям других мне хочется присовокупить благословение страшного Сохатого. За злодейство пусть судит его закон; мы поможем ему...

— Мы! вы не различаете моей души от вашей...

— По крайней мере, на этот раз, — отвечала Амалия, потупив глаза и краснея.

С жаром схватил ее руку Флахсман, почтиительно поцеловал и бросился из комнаты. Он вышел на площадь. Казаки, увидев адъютанта, с почтением стали подле телеги.

— Комендант велел снять арестанта с телеги и отвести в гауптвахту, — сказал он.

Закрытые глаза Сохатого растворились. "Отец-спаситель!" — простонал Сохатый. Немедленно отперли цепь, которою прикован

был он к телеге. Сохатый хотел приподняться, но снова упал в изнеможении.

— Он болен? — спросил Флахсман.

— Почти околевает, ваше благородие, — отвечал урядник, — да и больше суток не даем мы ему ни пить, ни есть, а между тем везли его беспрестанно.

Сердце Флахсмана облилось кровью.

— Разве так велено? — спросил он.

— Велено всеми мерами не допускать его до побега, и мы приложили старание, как изволите видеть, — отвечал казак.

Сохатого стащили с телеги. Страшно загремели цепи его, когда он упал на землю почти без чувств. Черная густая борода, включенные волосы и великанский рост его изумили Флахсмана. Он наклонился к Сохатому.

— Ты болен? — спросил его Флахсман.

— Умираю, ваше благородие, — отвечал Сохатый, тяжело дыша.

Казачи взяли его и повели на гауптвахту. Там Сохатого посадили на лавку; он казался умирающим. Через минуту явился слуга коменданта с бутылкою воды и куском хлеба. Флахсман велел подать ему то и другое. Руки

Сохатого были скованы, но он с жадностью глотал воду.

— Господи, — промолвил он, сверкнув глазами из-под нависших бровей, — господи, спаси ваше благородие! Пусть каждая капля воды смывает по одному греху с души вашей!

3

АМАЛИЯ

Благодетельное существо, которое усладило мучения несчастного, Амалия, была племянница иркутского коменданта, старого немца. Барон Фон-Шперлинг, дядя ее, как запомнил себя, то он уже был в службе, и оттого привык к такой аккуратности, что даже ел темпами. Не выкурив четырех трубок, он не мог ни о чем думать, и в назначенные часы Амалия должна была говорить ему: *guten Tag gute Nacht*, благодарить его за чай, за кофе, который он сам всыпал в кофейник чайною ложечкою. В остальное время она молчала, а дядя курил и также молчал. Барон был богатый, бездетный лифляндский помещик. Он взял Амалию после смерти сестры своей, воспитыв-

вал, нежил ее, как голландцы воспитывают и нежат тюльпаны, и хотел передать ей и свое имение и свое не благозвучное, но старое, высокобаронское имя. С горестию смотрел он иногда на длинную свою родословную, которая оканчивалась им, но радовался, что двухименный будущий муж Амалии, также (необходимое условие!) лифляндский барон, восстановит имя Шперлинга. Потому, по долгом размышлении, стоившем сотни трубок вагштафа, барон утвердил и решил, что Амалии надобно быть: 1-е — за лифляндцом; 2-е — за бароном; 3-е — за таким человеком, который прибавил бы к своему имени имя Шперлинга.

Добрый барон, пенковая трубка в человечестве! Ты забыл многое, не знал многого, да и кто же придумал бы все, что мы теперь расскажем!

Амалия, тихое, кроткое создание, с голубыми, всегда опущенными в землю или поднятыми к небу глазками и розовыми щечками, не смевшее сказать дяде своему пяти слов сряду, скрывала в груди своей сердце великана, а голова ее была пламенная голова жи-

тельницы Севера. Амалия, удаленная от всего, не знавшая ничего в свете, жила в идеалах, которые — хуже всякой сущности. Эти идеалы, эти яркие картины, похожие на старинную живопись на стекле — огромную, светлую, озаряемую солнцем, — разнакомливают нас с жизнью обыкновенною и приучают к чему-то нездешнему. Между тем свет берет свое и, пока пламенная мечта летает с нами в мир поэзии, опутывает нас своими цепями и тем легче побеждает, что мы презираем его, как неприятеля ничтожного, не стоящего борьбы.

Когда Амалия оставила древний, полуразвалившийся замок, в котором родилась и жила с матерью до пятнадцати лет, дядя увез ее с собою в Крым, где богатую наследницу окружили вздыхатели. "Что за люди!" — думала Амалия, смотря на подвижных кукол в военных и статских мундирах; начинала говорить с ними и переставала, думая: "Это не тот, это не он!" И он явился ей в богатом, гвардейском мундире, молчаливый, угрюмый, говоривший одними глазами и не смевший сказать ни слова о том, что Амалии высказывали дру-

гие. Этот осуществленный идеал был Флахсман — немец только по имени, русский душою, молодой офицер, прискакавший из Петербурга с важными поручениями к барону Шперлингу, Амалия видела его три или четыре раза, сказала ему несколько слов, и — в пламенной голове ее Флахсман поселился среди блестящих идеалов.

Милые создания девушки, особливо с идеальными головами! Как я люблю вас! Как подстерегаю я этот взор, который с неба падает на земной идеал ваш! Как люблю я ваш испытующий взгляд в будущее, у которого вымалываете вы себе счастье, как дитя игрушку у матери! Как люблю я сравнивать с вашими мечтами мои, истерзанные жизнью мечты и переноситься в прошедшее...

Флахсман не сказал ни слова. Казалось Амалии, что голос его дрожал при прощанье с нею; что слезы навернулись на глазах его. "Он... — думала Амалия и останавливалась на этом слове, едва смея домолвить сама себя, — любит!" Но Флахсман не сказал ничего и уехал обратно в Петербург. Амалия не грустила, но как пуст показался ей белый свет!..

ОН ЛЮБИТ

Вскоре барон Шперлинг переведен был в другую должность и переехал из Крыма в Сибирь. Говорили что-то о разрыве с Китаем, и Шперлингу поручено было устройство военной части в Иркутске и за Байкалом. Амалия без сожаления оставила цветущий Крым, и душа ее, напротив, казалось, ожила в Сибири. Мрачные леса, дикие горы, бесконечные степи, морям подобные реки, десять солнцев на небе зимою, знойность лета сибирского, простота, добрые нравы жителей, мысль, что живет на краю света, в глуши Азии, быстрые противоположности климата, зимы и лета — все очаровывало Амалию. Утомленная роскошью природы сторона Крымская не могла передать Амалии впечатлений столь сильных и чувств столь живых. Как сильно понимала теперь Амалия свою одинокость в мире! Как часто хотелось ей теперь высказать многое, таящееся в душе ее! И в такие мгновения нетерпеливого чувства души сказаться другой ду-

ше — странное дело! Амалии мечтался образ Флахсмана, как туманные тени предков Оссиана, любимого поэта Амалии. Милая девушка задумывалась (думают ли девушки, не знаю), задумывалась и тихонько твердила: он не любит!.. Но улыбка являлась на устах ее, и невольно подсказывало сердце: "А мог бы любить!"...

В одно прекрасное сибирское летнее утро, которое не променяете на десять утр нашей Москвы, Амалия вошла в кабинет дяди, с чашкою кофе, и чашка эта выпала из руки ее: так сильно задрожали руки Амалии. Отчего? На своих креслах сидел, по обыкновению, и курил дядя ее, а поодаль от него, на софе, сидел — Флахсман!

Так он, тот молчаливый Флахсман, в Иркутске, в кабинете барона Шперлинга, и первый взор его сказал все Амалии. Когда при громе японской чашки, разбившейся в мелкие кусочки, дядя выпустил из рта свою трубку и быстро спросил: "Was machen sie doch? [1]". Амалия едва не бросилась на шею к дяде и не сказала ему: "Er liebt, et liebt!" [2].

ДЯДЯ — УЧИТЕЛЬ

Так: Флахсман точно любил. Он не умел, не хотел ничего говорить Амалии, но оставил все выгоды службы, не послушал никого из честолюбивых своих родственников, выпросил себе место в Сибирском полку и поскакал в Иркутск.

Тогда узнала Амалия счастье любить и быть любимой. Тогда, гуляя с Флахсманом по берегу широкой Ангары, бывая с ним и с дядею за городом, в тени густых лесов, читая любимых поэтов Германии и Франции (Увы! Пушкина и Жуковского тогда еще не было, а Ломоносова девушки не читали), Амалия желала, чтобы Флахсман не поспешил сказать ей: "Я люблю тебя, Амалия!" Есть чувство в сердце человека, которое не знаю как назвать. Когда мы видим уже, что мы непременно будем счастливы, когда легкие крылышки радости уже веют на нас чем-то неземным, мы находим наслаждение удалить на несколько мгновений нашу радость, наше

счастье, говорим ему: постой! и сердце наше упивается и надеждою, и наслаждением: это миг перехода надежды в счастье, и этот миг — лучше самого счастья! Так счастливый юноша приближает уста свои к розовым устам красавицы, забывая годы бедствий, и — останавливается, глядит на лицо ее, одушевленное счастьем, и не прикасается к устам красавицы...

Флахсман был сын богатого человека и думал, что никаких препятствий не может быть, если бы он потребовал руки Амалии. Его душа не искала идеалов, и пока он не видел Амалии, он не понимал любви. Взросший в семье многочисленной, жившей патриархальным русским бытом в Малороссии, он с детства привык к картинам семейственного счастья. Его душа, не испытавшая бурь жизни, изумилась миру фантазии, какой раскрыли ему взор на Амалию, ее речи, ее слова, ее романические мечты. Холодность Флахсмана подтаяла от тихого огня любви, но она держалась еще, когда Флахсман оставил Крым, держалась, как гора Швейцарская, подмытая горными потоками. Но когда он приехал в гра-

нитный Петербург, когда тоска одиночества среди многолюдства начала грызть его сердце — холодность Флахсмана рухнула вдруг, будто тяжкая лавина Швейцарских гор, которая рушит горы, засыпает долины, губит все и сворачивает реки в их течении. Хаос души Флахсмановой слышал небесную гармонию любви, и юноша почувствовал сильно и пламенно, что только любовь Амалии, только сердце ее укротят бурю его сердца и возвратят ему счастье.

Так протекало время. Флахсман не мог сблизиться с дядею Амалии и не замечал перемены в этой, дымящейся беспрерывно, флегматической фигуре. Но наблюдатель посторонний мог бы заметить постоянные изменения в высокобаронской персоне дяди Амалиина.

При первой встрече с Флахсманом в Иркутске барон подумал, после продолжительного разговора: "Зачем он приехал сюда? Верно, не за чинами, не за деньгами, не за тем, чтобы меня столкнуть? Неужели так? Правда, у этих русских часто и многое так делается; иное дело мы... хм!"

Флахсман начал служить усердно, деятельно, без всяких претензий, и барон опять подумал: "Чего он ищет своею службою?"

И барон недоумевал, что думать, когда вдруг однажды увидел он Амалию и Флахсмана, прогуливающих в саду, в жарком разговоре. "Неужели о погоде говорят они так усердно?" — подумал барон. И вот ярко блеснула у него мысль: "Уж не любовь ли это?" Тут начал он думать, что бишь такое любовь? взял старую энциклопедию, отыскал слово: Liebe и прочитал все признаки любви. Он испугался, увидя, что любовь делает чудеса и ведет к великим глупостям. "Ну! если Флахсмана завела в Сибирь любовь?" — вскричал он невольно — и целый час ходил по комнате, не принимаясь за трубку.

"Да!" — сказал наконец барон. На другой день Амалия призвана была в кабинет, и дядя прочел ей огромную лекцию о любви, об осторожности, какую должна наблюдать молодая девушка. С Флахсманом начал он поступать начальнически, холодно, важнее прежнего.

— Но что ж за беда любить Флахсмана? — думала Амалия. Вообще, из всяких лекций,

мы не многому научаемся. Но польза их в том, что систематическое изложение предмета поясняет, устраивает наши идеи. И Амалия, выслушав дядю, узнала, что она точно любит Флахсмана и что Флахсман ее любит.

Дело пошло без перемены, а барон сделался совсем другой человек: наблюдательный, уклончивый, размышляющий. "Плохо!" — сказал он наконец и призвал Флахсмана к себе.

Тут, после тысячи околичностей, эпизодов, вставок, учтивых уверений, и проч., и проч., барон спросил: "Какие виды имеет г-н Флахсман в дружеском обращении с семейством его баронской чести?"

Флахсман заговорил, как вдохновенный. Он забыл и дядю, и все отношения, и признание в пламенной страсти, надежда получить руку Амалии излились в самых горячих словах.

Барон молчал, ходил мерными шагами и наконец спросил: "Знает ли Амалия о ваших предположениях?"

Это слово охладило Флахсмана.

Тут дядя Амалии завел длинную речь, как

нехорошо расстроивать семейственное спокойствие людей благородных; как должно быть предусмотрительну в своих делах и проч. и проч.

"Но разве ваша племянница не может отдать мне руки и сердца?" — спросил его быстро Флахсман. "Нет! — отвечал барон. — Уже давно рука ее назначена другому, сыну моего старого приятеля барона Фон-дер-Кольессера, который соглашается принять фамилию барона Шперлинга-Кольессера и получить мое имение и Амалию".

"А если я прошу только Амалию и не требую за нею ничего?"

Барон побледнел и задрожал. Флахсман изумился: он не знал, что барон ужаснулся мысли: быть последним Шперлингом на белом свете, когда Амалин муж будет не барон и не примет имени Шперлинга!

Едва не задыхаясь от досады, барон расстался с Флахсманом и побежал к Амалии.

Он застал ее занятую рисованьем, и так занятую, что она не заметила, как вошел дядя и стал за нею. О страх! Амалия дорисовывала — портрет Флахсмана, любовалась своею

работою, глядела с восторгом на портрет и наконец — крепко прижала его к губам своим!

Барон обмер, и — в первый раз в жизни вышел из себя: начал бранить Амалию, говорить, как дурно, нехорошо целовать портреты молодых мужчин; рассказал о своем разговоре с Флахсманом, о предположенном союзе с бароном Фон-дер-Кольессером, об отказе Флахсману.

Все высказал барон фон-Шперлинг. Какие были этого следствия?

6

СЛЕДСТВИЯ

Совсем не те, которых ожидала высокоба-
Сронская персона. Вот что он сделал.

Амалия немедленно была удалена из комендантского дома; дядя велел ей ехать к приятельнице его, старой бригадирше, с которою познакомился по рекомендательному письму от одной лифляндской баронши и у которой постоянно, во все время пребывания своего в Иркутске, он обедал по воскресеньям. Бригадирша, вдова, брюзгливая стару-

ха, вошла в ужасное положение дел барона Шперлинга, и как она жила одна, кроме во-
роужбы картами ничего не знала, то и обеща-
ла барону стеречь Амалию так, чтобы ее ни-
кто не увидел.

Тотчас отправил барон письмо к высоко-
почтенному барону Кольессеру, в котором из-
вестил его, что зимою получит он отпуск и
приедет с племянницею в Лифляндию.

Флахсман немедленно получил приказ ко-
менданта: ехать за Байкал, в Цурухайтуев-
скую крепость, и заняться там, по секрету,
надзором за движениями китайцев.

Барон ждал бури и готовился к слезам и
просьбам со стороны Амалии, к бешенству и
сопротивлению со стороны Флахсмана. Уже
соображал он, что надобно ему отвечать, как
говорить, и удивился, не видя никакого бес-
покойства, не слыша никакого шума. Правда,
Флахсман побледнел, узнав волю комендан-
та; на глазах Амалии навернулись слезы, ко-
гда ей велено было отправиться к бригадир-
ше; но и Флахсман и Амалия не противоречи-
ли. Флахсман просил только позволения про-
жить в Иркутске два дня.

Барон был в восторге и, потирая руки, ходил по своему опустевшему без Амалии дому. Вдруг доложили ему, что бригадирша изволила к нему пожаловать.

Сердце барона забилося не на добро. Как рассердился он, узнавши, что старуха открыла ужасный заговор и что в эту же ночь Амалия условилась бежать с Флахсманом! Сомнения никакого не оставалось: священник подгородного села, старый знакомый бригадирши, сам приезжал к ней сказать, что адъютант его превосходительства, господина барона и кавалера, был у него и предлагал ему сколько угодно денег, если только он согласится обвенчать его благородие с какою-то девушкою. А поелику его благородие прибавлял к сему страшные угрозы за открытие тайны, то и принудил его согласиться. Но священник, как поверенный ее высокородия, знал тайную склонность племянницы его превосходительства к его благородию, посему и решился сообщить сию весть ее высокородию, прося милостивой защиты.

— Знает ли Амалия, что тайна побега открыта? — спросил барон.

— Нет; я почла долгом сперва известить вас.

— Вы поступили весьма благоразумно, и я прошу вас молчать и не говорить ей ни слова.

Вечером скрытная стража расставлена была вокруг дома и сада бригадирши. Настала ночь. Сам барон скрылся в саду, и в самую полночь у садовой калитки постучались тихонько: это был Флахсман. Несчастный юноша! Он не знал, что Амалия была уже в доме своего дяди и хотя не слыхала ни от кого ни одного слова, но видела, что все открыто. Флахсмана встретил сам барон.

Что говорили они, не знаю. Но Флахсман в ту же ночь оставил Иркутск и отправился в назначенный ему путь. Он не застрелил барона? Он остался на службе? Он отказался от Амалии? — спросят меня и прибавят к этому, что Флахсман не любил ее; что он был холодный молодой человек; что Амалия была кукла, которая испугалась первой грозы своего дяди. Увидим, увидим! Я хочу рассказывать далее и не стану ничего говорить наперед: пусть события сами за себя говорят.

МЕРТВЕЦ-УБИЙЦА

Прошло около года после описанных нами событий. Сибирская природа улыбнулась минутною весною, покрасовалась коротким летом и снова облеклась в белые, снеговые покровы. В это время случилось происшествие ужасное и непонятное.

За Байкалом, в одном большом селе, населенном отчасти ссылочными в Сибирь, отчасти переселенцами из России, старообрядцами, которые ушли в леса забайкальские, с своими закоснелыми суевериями и предрасудками, скончался крестьянин. Гроб его вынесли в церковь, с тем чтобы на другой день, после обедни, отпеть и предать общей всех матери.

С вечера началась погода, разыгрывалась и разыгралась, как свободный зверь в лесах сибирских. В полночь ветер завыл, словно голодный волк, загремел, как гром на Хамар-Дабане; снег клубами несло по дороге, крушило, вертело; леса ломало, и ни зги не

было видно ни в поле, ни в лесу. Священник села, о котором мы упомянули, встал в назначенное для заутрени время. Мальчик, внук его, также поднялся, получил благословение дедушки и пошел благовестить, между тем как дедушка его надевал чебак свой (теплую сибирскую шапку) и потом тихо побрел в церковь. Дьячок был болен; православные слышали звон колоколов, разносимый порывами ветра, но — ни одна набожная старушка не пошла в церковь. Некоторые встали было, выглянули в окошко и, не видя света божьего от метелицы, затеплили свечки, помолились и легли снова спать.

Между тем рассвело; буря утихала, небо начинало проясняться; в доме священника все встали; самовар кипел на столе — священник не возвращался. Старушка попадья выглядывала, смотрела — нет священника, нет и внучка! Где они? Беспокойство усиливалось; послали в церковь.

Церковь была растворена; снег занес крыльцо ее; нет ни следов, ни признаков ходьбы! Вошли в церковь: нездешний житель лежит в гробе, тих, спокоен, окоченел; лицо

его от холода посинело, покров сброшен, венец на земле, и — о ужас! Священник, мертвый, лежит невдалеке от гроба; в руке его кадило; голова пробита, и кровь запеклась и застыла на седых волосах!

На вопль и крик сбежался народ и с трепетом смотрел на страшное зрелище. Тут только хватились внучка священникова: его не было; начали искать и, наконец, нашли за клиросом, без чувств. Он очнулся, трепетал, долго не мог говорить, наконец косноязычно и несвязно рассказал, что видел. Отблаговестив и отзвонив веревками, снизу протянутыми на небольшую колокольню, мальчик, робея, вошел в церковь и увидел, что дедушка его уже начал заутреню. Служение продолжалось; всюду было тихо, только ветер стучал окошками, снег колотил в окна и буря выла вокруг церкви. Вдруг — гроб с мертвецом затрещал! Мальчик оробел, ноги его подкосились, язык окостенел во рту. Священник подошел ко гробу, но не смел приблизиться, слушал и, ободрив внучка, начал продолжать заутреню. Вдруг опять трещит гроб, слышно стенание — холод пробежал по жилам маль-

чика... Он помнил еще, что священник взял кадило, начал молитву, подошел ко гробу, и вдруг мертвец поднялся, вскочил из гроба, ударил чем-то священника, и тот повалился на пол... Более ничего не видал и не слышал мальчик. Обезумев, бросился он сам не зная куда и опомнился только тогда, когда пришли люди...

8

УЖАСНОЕ ПОДОЗРЕНИЕ

Рассказ о сем неслыханном событии изумил всех. Приехали следовать, смотреть; следовали, смотрели и ничего не нашли. Мертвец был освидетельствован, все допрошены: никто не понимал, как случилось страшное дело. Рассказ мальчика казался сказкою. И вот мертвеца и священника схоронили. Между тем везде разнеслась весть.

Село, где учинилось такое неслыханное дело, стояло на большой дороге из Нерчинска к Байкалу. На первой после него станции, когда рассказали там ужасное происшествие, когда начались толки, ямщик сказал товарищам,

что он в ту самую ночь вез офицера, что они сбились с дороги и когда добрались до села, где случилось убийство, ямщик, человек новый, не знал, какое это село и где дорога. Они ехали между тем и при самом въезде увидели растворенную церковь. Офицер соскочил с саней, вбежал в церковь и через несколько минут выбежал оттуда, бросился в сани, велел ямщику гнать скорее. Более ничего не знал ямщик.

Рассказ ямщика тотчас передали смотрителю; тот почел его столь важным, что поспешил узнать подробности.

Проезжавший офицер был — Флахсман! Он, точно, в ту ночь проезжал через село и заходил в церковь. Поскакали по следам его и нашли его в Селенгинске: тут он остановился, ибо в жестокую вьюгу простудился жестоко и лежал без памяти, в злой горячке.

Бедный юноша! Ты был на одре смерти, а правосудие считало минуты жизни твоей, обрекая тебя ужасным подозрением! Болезнь Флахсмана продолжалась долго, и когда он опамятовался прошло уже несколько недель, и — перед ним раскрылась страшная бездна!

По сношению с Иркутском узнали, что убитый священник был тот самый, который открыл коменданту тайну побега Амалии с Флахсманом, который разрушил все мечты Флахсмана о счастье. Когда барон фон-Шперлинг встретил Флахсмана в саду бригадирши, Флахсман казался бешеным. Он хотел схватиться за шпагу, но удержался, сказал барону, что он надеется с ним особенно видеться, и клялся, что изменник погибнет от руки его. Барон слышал сии слова, и Флахсман в самом деле приезжал к священнику. Испуганный священник скрылся от него и так оробел, что не смел никуда появиться. Он не почитал себя безопасным, и как тогда искали священника для определения за Байкал, в старообрядческое село, он просил определить его туда и немедленно уехал к месту своего назначения. Надобно было несчастной судьбе Флахсмана — вести его именно через это село; надобно было ему зайти в церковь...

Друзья мои! вы не поверите тому, чтобы низкое мщение могло храниться в душе благородного юноши столь долгое время, и что пользы было ему в смерти священника, если

уже и предположим, что человек для пользы какой-нибудь может решиться на преступление ужасающее? Но разве не бывало примеров обвинения самого нелепого? История Каласа разве не повторялась — скажем с горестным чувством — даже и в наше время? Против Флахсмана было все. Рассказу внука священникова никто не верил. Сам барон Шперлинг слышал угрозы Флахсмана, нашлись добрые люди, которые перетолковали самую болезнь его...

И вот — Флахсман едва выздоровел, как его арестовали, остановили. С изумлением невинной, чистой души слышал он ужасную историю и содрогнулся, узнав о том, что на него пало подозрение в убийстве! Открылось еще более: узнали, что Флахсман оставил Цурухайтуевск без дозволения коменданта; что он самовольно кинул свой пост и скакал в Иркутск. Флахсман откровенно сказал, что он лично оскорблен был покойным священником и в первом жару гнева произносил угрозы; что он отлучился и ехал в Иркутск по своим собственным делам, ибо видел по письмам из Петербурга, что просьба об отставке

его была там давно получена и он от службы отставлен, но коменданту иркутскому угодно было все это скрыть. Флахсман хотел объясниться с бароном Шперлингом; точно ехал по дороге в метель и заходил в церковь, видел там гроб и покойника, видел и священника, но только спросил его о дороге.

— Ямщик говорит, что вы со страхом выбежали из церкви и велели скакать скорее. Для чего это?

— Вид священника напомнил мне несчастное событие моей жизни.

— Следственно: вы имели с ним прежде дела. Какого рода были ваши с ним сношения?

— Этого не скажу я никому.

— Что побудило вас выйти в отставку?

— Этого вы не узнаете никогда.

ГДЕ ОПРАВДАНИЕ?

Угрюмое молчание судей и следовавших дело чиновников показывало, что на сей вопрос ответ не мог быть благоприятен. Флахсман поклялся сам себе, что имя Амалии не выйдет из уст его. Не открывая дел, бывших между бароном фон-Шперлингом и им, он не мог почти ничего говорить.

Получено было повеление из Иркутска: отправить Флахсмана туда. Уродливая, красная рожа, в полицейском мундире, прислана была для препровождения его. Флахсман казался спокойным, равнодушным, бесчувственным ко всему, что вокруг него происходило.

Следствие тянулось весьма долго; уже снова сибирские леса оделись зеленью, и, поздние пришельцы, ласточки вились по полям и долинам.

Почтовая телега, в которой сидели Флахсман и красноносый его провожатый, летела вихрем. Флахсман молчал; товарищ его также, награждая молчание ерофеичем на

каждой станции и криком на запрягавших лошадей ямщиков. Наконец они приближались к Байкалу. Флахсман заметил, что товарищ его удвоивал порцию ерофеича, становился беспокойнее, непрерывно оглядывался по дороге и, наконец, вдруг вздумал остановиться при въезде в лес, простирающийся к берегу Байкала.

— Зачем вы остановились? — спросил его Флахсман.

— Вот зачем! — отвечал красноносый, вытащил ружье, саблю, два пистолета и начал осматривать их.

— С кем же хотите вы сражаться? — спросил насмешливо Флахсман.

— Да во что же мысли ваши углублены? — отвечал вопросом красноносый. — Разве не слышали вы рассказов о разбойниках? Ведь Сохатый опять ушел из тюрьмы и, говорят, здесь бродит, а дело к ночи.

Флахсман замолчал, завернулся в свою шинель. Телега поскакала; въехали в лес, и вдруг, на глубоком овраге, раздался крик из леса: "Стой"! Ямщик стал как вкопанный.

— Ах ты, бездельник, мошенник, разбой-

ник! — захрипел красноносый. — Погоняй!

— Извини, барин, — отвечал ямщик, — разве не слышишь...

— А вот я с ним управлюсь, — заревело чадю полиции и в ту сторону, где раздался крик, выстрелило из ружья. Ямщик поскакал под гору, и двадцать голосов раздалось со всех сторон. Вся храбрость полицейского пропала.

— Мать пресвятая богородица! — завопил он. — Мы пойманы!

— Чего вы боитесь? — сказал Флахсман. — Если они остановят нас, им нечего взять; если захотят убить, продадим дорого свою жизнь! — Он соскочил с телеги, схватил два пистолета и дожидался разбойников, бежавших к ним с обеих сторон леса.

СОХАТЫЙ

— Товарищи! — кричал огромный мужчина, бежавший за другими. — Не бить их, не бить! Атаман велел взять живьем! Это наш приятель Курносов! — "Курносов! — закричали с диким воплем все другие. — Где он? где он?" Флахсман с изумлением смотрел на шайку разбойников. Все они были одеты в богатые шелковые, суконные, бархатные куртки; остальная одежда соответствовала такому наряду, хотя все одеяние было в беспорядке, измарано, изорвано. Ружья, пистолеты, рогатины, кистени, сабли составляли оружие разбойников.

— Стойте, бездельники! — вскричал Флахсман. — Чего вы хотите? Денег у нас нет!

— Господин ваше благородие! не дурачься! — отвечал приятель Курносова. — Брось пистолеты; мы тебя не тронем — вот те бог, не тронем, а если пикнешь, то смотри — мы сделаем из тебя решето!

Флахсман хотел отвечать; но две сильные

руки схватили его сзади, вывернули пистолеты и сшибли его с ног.

— Ай да Митюха! — вскричали другие. — Молодец! Молодец! Наша взяла.

Оглушенный в падении, Флахсман был немедленно связан и слышал, как неистовые крики и вопли бешеной радости раздались между разбойниками, когда из-под телеги вытащили они его спутника.

— Он! он! это он! — слышен был крик. Бледный, как испуганный индейский петух, исполнитель правосудия дрожал, словно в лихорадке.

И Флахсмана, и его спутника положили в телегу, закрыли рогожею и повезли. Тихо, безмолвно шли вокруг телеги разбойники; слышно было, что с дороги своротили, ехали по лесу. Темная ночь была уже, когда телега остановилась. Флахсмана вытащили сначала и понесли к большому огню, расположенному среди небольшой поляны.

Тут набросано было множество подушек, пуховиков, и на них в беспорядке лежало и сидело множество народа. Вся шайка состояла более нежели из пятидесяти человек. Мно-

жество оружия всякого рода было повсюду разбросано; в стороне висели котлы и кипели щи, каши. Разбитые сундуки, ящики, тюки товаров лежали в стороне.

Как регулярный солдат отдал отчет атаману один из разбойников.

— Подавай сперва офицера, — сказал грубым голосом атаман.

Флахсмана принесли к нему. "Развязать!" — сказал атаман. Приказание было немедленно исполнено. Когда, расправляя свои затекшие и опухшие от давления веревок руки, Флахсман сел на земле и думал о своей странной участи, атаман начал говорить.

— Тебе, господин офицер, бояться нас нечего. Как солдат, ты своими копейками нас не обогатишь, да и попался ты к нам потому, что ехал вместе с полицейскою пиявицею, до которой мы давно добирались. Ее мы не выпустим живую... — Тут атаман замолчал на минуту, вдруг вскочил, снял шапку и вскричал:

— Как? это вы, ваше благородие, господин Флахсманов? Батюшка ты, отец мой! родимой, кормилец!

Флахсман смотрел с изумлением и удивлялся перемене разговоров разбойника.

— Вы не узнали меня, мой спаситель, мой отец! а я помню хлеб-соль вашу... ведь я Сохатый.

Тут Флахсман поднялся на ноги и сказал Сохатому, что он не помнит, когда бы успел сделать для него что-нибудь.

— А не ты ли накормил меня, напоил, когда года два назад я был пойман и привезен в Иркутск? Я не смею поцеловать твоей ручки, потому что кровь неповинная запеклась на мне, и я осквернил бы тебя своими нечистыми устами. Да как ты зашел сюда? Как тебя, дорогого гостя, я нахожу на моем пепелище?

Флахсман содрогнулся.

— Нет, господин Сохатый! я не гость твой, и между мною и тобою нет никаких сношений. Если ты помнишь мое небольшое благодеяние, то вели меня выпроводить отсюда, отпусти полицейского офицера и ямщика, и да приведет тебя бог к раскаянию.

— Нет! ты не уедешь, не переночевав здесь, а завтра будешь на пути, дороге своей. Но полицейского разбойника я не отпущу; он

со мною поплатится...

— Как ты смеешь?

— Господин офицер, ваше благородие, не извольте спорить: я здесь господин!

— Прошу тебя, господин Сохатый, если ты помнишь добро, то отпусти его.

— Эх! многого ты просишь, батюшка, ваше благородие! Знаешь ли, что нет в целой Сибири злее этой собаки? Это варвар наш, мучитель, злодей!

— Он исполняет свою должность.

— Должность? — заревел Сохатый. — Должность! Разве должность его выдумывать самые лютые наказания для нас, несчастных? Разве должность велит ему упиваться нашею кровью... Эй! ребята! Где та собака? давай его сюда!

Разбойники вскочили; зверские крики раздались по лесу; несчастного спутника Флаксманова приволокли к огню.

— Баню ему! — закричал Сохатый.

— Холодную али теплую? — спросил хладнокровно один разбойник.

— Теплую, болван!

Разбойники начали выгребать уголья рас-

каленные... Состояние Флахсмана было ужасно. Он содрогался при виде этого отверженно-го обществом человеческим сборища убийц и злодеев, собравшегося в диком сибирском лесу и готового мстить мучениями жестокосердию, с каким отвергали его люди.

— Слушай, господин Сохатый! — сказал Флахсман. — Вели остановиться и слушай, что я тебе скажу.

— Рад век тебя слушать, батюшка, ваше благородие! только не проси меня об нем... — Он указал на несчастную жертву, лежавшую от страха без памяти.

— Вспоминаешь ли ты иногда о том страшном часе, который подкрадывается к нам неожиданно и нечаянно и ставит нас прямо перед лицом бога?

Сохатый задумался и с диким стоном вскричал потом:

— Нет! никогда, никогда! но он — будет свидетелем, что не я тому виною!

— Несчастный! ты помнишь бедное благодеяние человека и забыл благодеяния божии... — Ужасная хула исторглась из нечестивых уст Сохатого; но он сам испугался слов

своих, перекрестился и прибавил: "Господи! прости мои согрешения!"

— Итак, мне остается одно. Смертию несчастного моего спутника ты погубишь меня!

— Тебя? нимало! Разве ты ответчик за то, что твоего товарища погубит кто-нибудь? А как погубит: изжарят ли, повесят ли, какое кому дело.

— Знай же, что он вез меня в Иркутск как человека, обвиняемого в ужасном преступлении, и если вы умертвите его, а меня отпустите — подозрение на меня утвердится еще более...

— Как, ваше благородие? Так и ты напроказил?

— Молчи! Я невинен, и это наказание божие несу с терпением. Но я никогда не осквернял души своей пороком...

— Так не тебя ли обвиняют в смерти попа, в старообрядческой деревне?

— Разве ты знаешь?

— Как же мне не знать? Но мог ли я думать, чтобы ты был этот офицер... Ну! делать нечего... — Сохатый остановился, сжал креп-

ко кулак, ударил себя в лоб и подошел к бедному полицейскому офицеру.

— Эй ты, кислая шерсть! вставай: Сохатый говорит тебе!

К удивлению Флахсмана, спутник его вскочил на ноги как встрепанный.

— Выменяй образ вот этого господина офицера: я — отпускаю тебя!

Со всею низкою подлостью полицейский повалился в ноги разбойнику. "Эдакий мерзавец! — вскричал Сохатый... — Утащите его в телегу, но не троньте ни волоса", — сказал он своим товарищам.

— Атаман! — так начал один разбойник. — Дай слово вымолвить: ты обещал его нам...

— Нельзя!

— Прости, а мы тебя не послушаем.

— Как? — заревел Сохатый, и — с одного удара кулаком, разбойник полетел с ног. Другие на смели противоречить.

— Теперь, ваше благородие, сметь ли вас попотчевать... Да, сегодня у нас постное; ведь сегодня пятница, а вы кушаете ли...

Флахсман не мог долее смотреть на отвратительную картину шайки разбойников.

"Благодарю тебя, но если ты отпустишь нас, то вели отпустить немедленно..."

— Сей час будут готовы ваши лошади, — отвечал Сохатый. — Эх! мое небесное царство продолжалось недолго, недолго смотрел я на тебя, батюшка...

— Господин Сохатый! — сказал Флаксман. — Неужели ты столь мало видел доброго от людей, что маленькое сострадание мое так тебе памятно?

— От людей! Кого ты называешь людьми? Где ты видал их, ваше благородие? Ох! если бы ты знал да ведал... Было времячко, что на душе моей не было крови христианской, но люди втащили в тяготу греховную, — пусть же они и платят за вход мой в тьму кромешную; пусть же они, загородив мне дорогу даже в монастырь, где мог бы я выплакать себе спасение, рассчитываются со мною, за каждый день грешной жизни моей, слезами и кровью... Но я заговорился с тобой, ваше благородие, и забыл сказать, что я хочу спасти тебя от напраслины...

— Как? Ты?

— Да, я, Сохатый! Я знаю, чей был грех

смерть этого попа, его убил старообрядец Филат Петров. Он с вечера спрятался в церковь, лег на место мертвеца и убил священника, а потом убежал из церкви. Завтра же схватят и повезут его мои ребята по Крутоморской дороге в Иркутск: тебе хочу я услужить; да и дело недоброе: за что, проклятый, погубил старика? Пусть бы из серебра, из золота... — Сохатый задумался и, помолчав несколько минут, сказал: "За все это полагаю я на тебя, ваше благородие, обязательство. Послушай: в эту зиму я ворочусь в Иркутский острог. Полно, будет с меня! Если ты вспомнишь мое добро, то вели захлестнуть меня с одного раза — не мучьте меня: одного только прошу!.. Да когда приведет тебя бог на святую Русь, отыщи там старика... Но, нет, нет! не отыскивай, не говори никому... Поезжай с богом!..

НЕОЖИДАННОСТЬ

Когда Флахсман увидел себя на большой столбовой дороге, днем, без всякой опасности; когда перед ним засветлели волны Байкала и забелели стены Посольского монастыря, он не верил глазам своим, чувствам своим: все событие казалось ему тяжким сном. Товарищ его, от испуга, сделался болен жестокою горячкою и остался в селении на берегу Байкала. Флахсман отправился на казенном гальоте. Противный ветер задержал их на Байкале. Казалось, что судьба преследовала Флахсмана повсюду. Наконец, переезд благополучно был совершен.

Флахсман немедленно явился к барону фон-Шперлингу.

Трусость, робость изображались на высокобаронском лице, когда Флахсман стал перед ним.

— Поздравляю вас, господин Флахсман! — сказал барон, идя к нему навстречу.

— С чем? — спросил Флахсман.

— С оправданием.

— Разве известно уже, что клевета, взведенная на меня, есть нелепость ужасная и невероятная?

— Все известно. Вчера получили мы известие из Селенгинска, что убийца сам пришел и объявил о своем злодействе. Мне должно еще вручить вам бумагу: вот ваша отставка.

— Благодарю вас.

— Вы, верно, думаете возвратиться в Россию?

— Нет!

— Как? — вскричал барон с изумлением.

— Нет! повторяю вам. Теперь можем мы объяснить с вами, господин барон! Я жил до сих пор только для того, чтобы предложить вам отплату, за все, что вы для меня сделали. Я думал, что счастье мое будет вашим счастьем: вы не хотели, вы отвергли меня, вы забыли слово, данное умиравшей вашей сестре: сделать счастливою дочь ее; вы забыли священнейшие узы родства и дружбы, оскорбили благородного человека, не страшась замарать честь вашей племянницы, пятнали меня ужасным преступлением...

— Чего же вы хотите? — сказал барон разгорячаясь.

— А! вы не привыкли, видно, к таким разговорам! Я хочу стреляться с вами!..

— Не откажусь, — вскричал барон, — но и теперь скажу, что племяннице моей не бывать за вами: я клянусь...

Тут дверь в кабинет барона растворилась, и — вошла Амалия. Ни Флахсман, ни дядя не ожидали ее. Она была бледна, как смерть — изумление сковало уста барона.

— Дядюшка! — сказала Амалия тихим, но твердым голосом. — Я повиновалась вам, как отцу моему, пока вы поступали со мною, как отец. Когда вы нарушили обещание моей матери: быть отцом моим, я почитала себя вправе поступать, как мне угодно. Знайте и не клянитесь: я буду женою его — сердце мое избрало его — никакая власть не принудит меня переменить слово, мною ему данное.

— Вы, сударыня, забываете все приличия... — сказал барон.

Амалия прервала речь его.

— Приличия! — сказала она с горькою усмешкою. — Бедные приличия уступают, где

говоришь что-нибудь другое. Перед вами я повторю слова мои: Флахсман или — никто! Вы не хотели меня выслушать донныне; вы терзали меня, терзали избранного мною. Знайте же, что я не могу уже возвратиться: я жена Флахсмана, и бесчестие мое может быть прикрито только благословением священника!

Слезы полились из глаз ее. Она упала на стул. Флахсман изумился, побледнел.

— Амалия! что вы говорите! — вскричал он.

— Молчите, если вы меня любите, Флахсман! Молчите — пусть он решает...

В это время барон шагал по комнате; крупные капли холодного пота выступали на лбу его. Амалия плакала; Флахсман не понимал, что с ним делается.

Вдруг барон остановился.

— Ну! — сказал он. — Итак дело кончено, Флахсман! Мы будем стреляться, но не вы, а я вас вызываю: вы погубили все мои надежды! вы обесчестили знаменитую отрасль баронов Шперлингов. Женитесь ли вы на Амалии?

— Я отдал бы жизнь за нее; я готов бы был принять тысячу смертей за ее счастье... Вы

позволите мне назвать ее моею супругою, при вас, в сию минуту?

— Да!

И Флахсман обнял со слезами Амалию, у которой щеки вспыхнули, как роза.

12

КАКОВО ЛЮБИЛА ОНА?

На другой день, без всякой пышности, Флахсман повел Амалию к алтарю. Когда священный обряд совершился и барон фон-Шперлинг поздравил Флахсмана и Амалию, она стала перед ним на колена и сказала ему: "Теперь, начните же наше счастье прощением всего, дядюшка! Я не встану, пока вы меня не простите!" Барон растрогался. Несмотря на пустоту души и сердца, он любил Амалию, обнял ее и сказал с чувством: "Дитя мое! Бог да простит тебя во всем!"

Амалия встала; лицо ее пылало, глаза ее горели. "Узнайте же, — сказала она, — что вы были обмануты: непорочную душу и чистое сердце получил в сию минуту перед алтарем Божиим друг мой! Я не посрамила благород-

ной крови моих предков".

— Как! — вскричал барон. — Следственно, слова твои, что ты погубила себя...

"Были ложь — клянусь вам памятью моей матери — ложь, и вы видите теперь: вам ли было разлучить сердца наши, когда я, девушка, не смевшая сказать вам единого слова, решилась для него покрыть себя стыдом и поношением в глазах ваших... И чего мне стоили немногие слова, которые вчера я сказала вам..." Амалия скрыла горящие свои щеки на груди Флахсмана.

— И вы, м. г. — сказал важно Барон, — согласились с нею?..

— Нет! — отвечал Флахсман. — Но мог ли я изменить Амалии? И если я виноват, то — смотрите (он стал на колена перед бароном) — я прошу у вас прощения. Дозвольте мне счастьем Амалии, детскою к вам любовью загладить мою вину!

Барон обнял Флахсмана и Амалию, и — заплакал. "Мы все были виноваты: забудем прошедшее!" — сказал он.

Повесть моя кончилась, друзья мои! Вскоре Флахсман и Амалия уехали из Иркутска.

Барон фон-Шперлинг последовал за ними. Счастье Амалии убедило наконец старика, что есть на свете нечто выше привязанности к родословным, и когда первый сын Флахсманна родился, когда барон выпросил позволение передать ему свое имя, он сказал: "Родословная дело важное; но если притом еще вмешается любовь, оно вдвое делается важно". Фраза была довольно несвязна, и, может быть, потому барон сопровождал ее густым облаком табачного дыма.

1830

ПРИМЕЧАНИЯ

Н. Полевой. Сохатый. Расшива — большая плоскодонная лодка или парусное судно. Оссиан — легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданию, в 3 в.; шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736–1796) обработал кельтские легенды и предания и выдал их за произведения Оссиана ("Сочинения Оссиана, сына Фингала", 1765). Ерофеич — водка, настоянная травами.

Примечания

Что вы делаете? (нем.). — Ред.

[^^^]

2

Он любит, он любит! (нем.). — Ред.

[^^^]